

Очень интересное блюдо — это «Столетнее яйцо», популярная закуска китайской кухни; представляет собой яйцо, выдержанное несколько месяцев в специальной смеси без воздуха. На самом деле надо не сто лет, а несколько месяцев. Но это очень вкусно.

Рис — главный из основных продуктов китайской кухни. Чаще всего он белый, употребляется в пищу варёным или жареным. Второй популярной продукт — лапша, ее любят северяне. Фирменное блюдо города Шаньси — нарезная широкая лапша.

Мы уже много знаем о чае. Поэтому не будем останавливаться на этом продукте.

Китайские алкогольные напитки появились в глубокой древности. Жёлтое вино производится из риса с древних времён. Оно является одним из самых древних вин в мире. У него есть другое название — «жидкий торт». У него чуть-чуть сладкий вкус. Китайцы пьют жёлтое вино зимой, оно помогает сохранить тепло и не дает простудиться. Кроме того, очень полезно для женщин.

Белое вино — традиционный китайский алкогольный напиток, наиболее близкий русской водке.

Поговорим о том, чем китайцы кушают, — это палочки.

Использование палочек для еды предполагает следование важным правилам: нельзя передавать еду из палочек в палочки, нельзя втыкать палочки вертикально в рис, палочками не двигают тарелки.

Добро пожаловать в Китай! Много вкусного ждёт вас!

УДК 130.2:2

А. Г. Иценко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

КОНЦЕПЦИЯ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР» В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные тенденции социокультурной ситуации в мире все больше подтверждает правоту мыслителей прошлого века о нарастающей глобализации, когда мир становится, по меткому выражению М. Маклуэна, «глобальной деревней». Несмотря на то, что уже на рубеже XX—XXI веков интеллектуалы и политики

говорят об универсализации общечеловеческих ценностей, при этом мир все больше расходится в определении единой иерархии этих ценностей. Опираясь на цивилизационную модель развития общества, многие философы исходят из того, что человеческая история — это сосуществование разных типов мировых цивилизаций. Каждая цивилизация зиждется на своей базисной аксиологической системе, в центре которой находится определенный набор духовно-нравственных ценностей, которые, во многом, и определяют идентит как конкретных носителей этой цивилизации, так и общности в целом. Глобализационные процессы современности влекут за собой «сужение мира», переплетение и взаимопроникновение культур. Переходные периоды характеризуются трансформационными процессами во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в сфере духовно-нравственных ценностей. В наш постмодерный век, в авангарде которого находится Западный мир, можно наблюдать, как постепенно рушатся традиционные ценности и на смену им приходят так называемые новые ценности. В век массивированных информационных потоков уже не получится дистанцироваться, нужно вырабатывать действенные механизмы защиты своей идентичности, с другой стороны, необходимо искать точки соприкосновения с другими культурами.

Генезис «диалога культур» как философского конструкта берет свое начало в XVIII веке, в контексте размышлений над проблемой религиозной свободы. В русскоязычном философском дискурсе проблематику «диалога культур» наиболее целостно концептуализировали в своих работах М. Бахтин и В. Библиер. Разные стороны этого философско-культурологического конструкта рассматривали И. Меликов, А. Гезалов, А. Ахутин, Р. Фатыхова и др.

Серьезными вызовами для нас являются такие черты постмодерна, как аксиологический релятивизм (с критикой понятия «общечеловеческие ценности»), симуляция реальности, обесмысливание истории, где нет четкой демаркации между добром и злом, истиной и ложью, прекрасным и безобразным. На смену гуманизму приходит трансгуманизм, с его «постчеловеком». Подвергаются деконструкции такие важнейшие социальные институты, как семья, государство, размываются базовые идентичности — гендерная и этно-национальная. В этой ситуации постмодерна человеку все тяжелее найти точки опоры, не потеряться во все тех же бодрейровских симулякрах. Встает вопрос: как при глобальной

унификации сохранить свою особенность, но и не законсервировать себя в культурном гетто, а открыться «другому»?

Как отметил Н. Ютанов, необходимо отходить также и от крайней формулы «крови и почвы», в сторону альтернативного принципа «языка и культуры» [1, с. 5—6]. Так, В. Библер в своих пропедевтических заметках отмечает: «Накануне XXI века европейская культура сосредоточивается как некое “многоместное множество” коренным образом отличающихся друг от друга форм разумения, или, если взять сопоставление из иной сферы, трудный контрапункт самостоятельных Разумов, различных ответов на (различным образом поставленный) вопрос: “Что означает понимать...” — себя, других людей, вещи, мир?» [2, с. 4].

Итак, опираясь на дефиницию Библера, «диалог культур» — это «взаимодействие, влияние, проникновение или отталкивание разных исторических или современных культур, как формы их конфессионального или политического сосуществования...» [3, с. 659]. При этом диалогичность культур — это не только право культуры коммуницировать или нет с другой культурой, в этом, по М. Бахтину, заключена онтологичность культуры: «Культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» [цит. по: 4, с. 24].

Для понимания культуры, которая и вступает в этот диалог, важна также категория цивилизации. У А. Тойнби это определенная система, включающая в себя ценностную иерархию, специфичность ментальности, своеобразную семиотическую базу и т. д.; для О. Шпенглера это декаданс и последняя стадия культуры. Можно определить цивилизацию не только как стадию развития культуры, сменившую эпоху «варварства», но и «фиксирующий определенный уровень воспитания, нравственной и бытовой культуры, стиль жизни и манеры поведения людей, отличные от нравов и привычек первобытного, “нецивилизованного” общения и общежития» [5, с. 332].

Существуют несколько концепций развития цивилизаций в современную глобальную эпоху, но все больше «Западный мир» основывается на так называемой европоцентрической концепции. Примером этого может быть концепт «Конца истории» Ф. Фукуямы [6]. Хотя он позже отказывается от многих элементов этого концепта, но все же магистральная линия остается. По Фукуяме, с падением СССР остается монолитный мир, основанный на свободном рынке и либеральной демократии «Западного мира», при

этом он и не утверждает полной гомогенизации культуры, однако имплицитно подразумевает её в перспективе.

В другой похожей евро-атлантической концепции С. Хантингтона признается «существование в современном мире множества цивилизаций, которые еще придется вводить в требуемый цивилизационный образ» [1, с. 6]. С неизбежностью глобализационный процесс повлечет за собой «столкновение цивилизаций», а конфликтогенная зона будет проходить не по линии сугубо экономической или идеологической (в узком смысле), а по «линиям разлома» цивилизаций (не всегда совпадают с “nation state”). В основе любой цивилизации, по Хантингтону, находится культура со всем её комплексом. Он выделяет около десяти цивилизаций (Беларусь относится к Православной цивилизации, Китай — к Дальневосточной). Опираясь на Л. Фоллера, можно резюмировать, что самые серьезные проблемы наций и национальных государств чаще всего связаны не с экономикой, политикой или обороной, а с нематериальными, неосязаемыми символами [7, с. 5].

Рассматривая антропологические проблемы через религиозную призму, И. Зизиулас говорит о категории общения даже в рамках онтологической проблематики, размышляя об акте человеческого, межличностного коммуниката. Само название работы уже отображает суть авторской концепции — «Бытие как общение» [8]. Еще философ-экзистенциалист М. Бубер показывал, что человек может познать в полной мере даже самого себя, глубину своей личностной экзистенции, только через соотношение с «другим», т.е. через личностное общение по линии «Я—Ты» и «Я—Оно». Так, Бубер пишет: «Нет Я самого по себе, есть только Я основного слова Я—Ты» [9, с. 5]. В философской системе М. Бахтина диалог также рассматривается через призму восприятия «Другого», по линии «Я—Другой».

Что касается Беларуси, то, наряду с другими аспектами (экономическим, политическим), именно принцип «диалог культур» полагается в основу выстраивания стратегических взаимоотношений с Китаем. Так, в рамках визита в 2016 году на I Международное культурное ЭКСПО Шелкового пути состоялась встреча министра культуры Республики Беларусь с китайской коллегой [10]. С 2006 года функционируют Институты Конфуция в учреждениях высшего образования Беларуси (БГУ, МГЛУ, БНТУ), Центр китайской культуры в Минске.

Все эти положительные тенденции говорят о том, что кросскультурные коммуникации между Беларусью и Китаем осуществляются в парадигме концепции «диалога культур». Диалога, который развернут в настоящее и с перспективой в будущее, диалог слушания и слышания «другого», основывающегося на известном принципе единство в многообразии. В «диалоге культур» есть и своеобразный риск, ведь в нём его субъекты допускают «сомнение», выходят за пределы своей культурной парадигмы в создаваемое ими же «нейтральное поле», где можно и нужно что-то «отдать», возможно, даже «потерять», но это «отдавание» имеет диалектическую семантику, поскольку отдаваемое растворяется, с той только целью, чтобы приобрести большее. Да и сам диалог самоценен, поскольку он реализует запрос личности на субъект-субъектные взаимоотношения. Это пространство наполняет акторов диалога новыми смыслами, которые могут быть творчески продуцируемы, в контексте этого самого диалогического континуума, в обоюдное культурное обогащение.

Список цитируемых источников

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М. : АСТ, 2003. — 603 с.
2. Библер, В. С. От наукоучения — к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — М. : Политиздат, 1990. — 413 с.
3. Ахутин, А. В. Диалог культур / А. В. Ахутин, В. С. Библер // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет : В. С. Степин (предс.) [и др.]. — М. : Мысль, 2010. — Т. I. — 744 с.
4. Меликов, И. М. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы / И. М. Меликов, А. А. Гезалов // Вопр. философии. — 2014. — № 12. — С. 24—35.
5. Толстых, В. И. Цивилизация / В. И. Толстых // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет : В. С. Степин (предс.) [и др.]. — М. : Мысль, 2010. — Т. IV. — 736 с.
6. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Левина. — М. : АСТ ; Ермак, 2004. — 588 с.
7. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. — М. : АСТ, 2008. — 640 с.
8. Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение : Очерки о личности и Церкви / митр. Иоанн (Зизиулас) ; пер. с англ. Д. Гзгзяна. — М. : Св.-Филарет. правосл.-христиан. ин-т, 2006. — 280 с.
9. Бубер, М. Я и Ты : [пер. с нем.] / М. Бубер. — М. : Высш. шк, 1993. — 175 с.
10. Светлов: Гродно мог бы претендовать на звание белорусских культурных ворот Шелкового пути [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/svetlov-grodno-mog-by-pretendovat-na-zvanie-belorusskix-kulturnyx-vorot-shelkovogo-puti_i_46233.html. — Дата доступа: 20.01.2018.